

Он читал медленно, отчетливо произнося каждое слово.

«...Именем сеньора нашего, господа бога. Все пастьри церкви, которые имеют в сердцах своих заботу о судьбе стада...»

Жанна видела, что свиток очень длинный. Вначале шли пустые, ничего не значившие слова. Но она хорошо знала, что будет в конце... Рядом с эшафотом стояла телега, на которую взобрался палач, подждавший свою жертву...

Девушку окружили клирики. Среди них был и сочувствовавший ей пристав Масье, и человек, которому она верила, мэтр Луазелер. Все они уговаривали ее смириться. Что от нее требуют? Очень немного! Пусть она откажется от мужской одежды и подчинится церкви! После этого ее переведут в церковную тюрьму, под надзор женщин. Мэтр Эрар, внимательно наблюдавший за этой сценой, сказал:

— Сделай, как тебе советуют, и ты спасешься!

Жанна была словно в тумане. Она слышала два голоса, перебивающие друг друга. Один читал приговор. Другой говорил: «Подчинись!» Ей вдруг показалось, что все эти попы относятся к ней с сочувствием и жалостью. Даже взгляд Кошона, когда он отрывался от пергамента и останавливался на ней, казалось, упрашивал: «Бедная девочка, пожалей себя! Сделай, как тебе советуют, и ты спасешься!»

И вот два голоса слились в один. И этот один говорил ей:

— Подчинись! От тебя требуют совсем немного!

Жанна оглянулась. Внизу бушевала толпа. Англичане, занимавшие первые ряды, грозили ей кулаками. Их взгляды горели яростью и нетерпением.

А голос говорил:

— Подчинись, и ты избавишься от годонов!

И она громко крикнула:

— Я желаю подчиниться церкви!

Епископ прервал чтение и облегченно вздохнул.